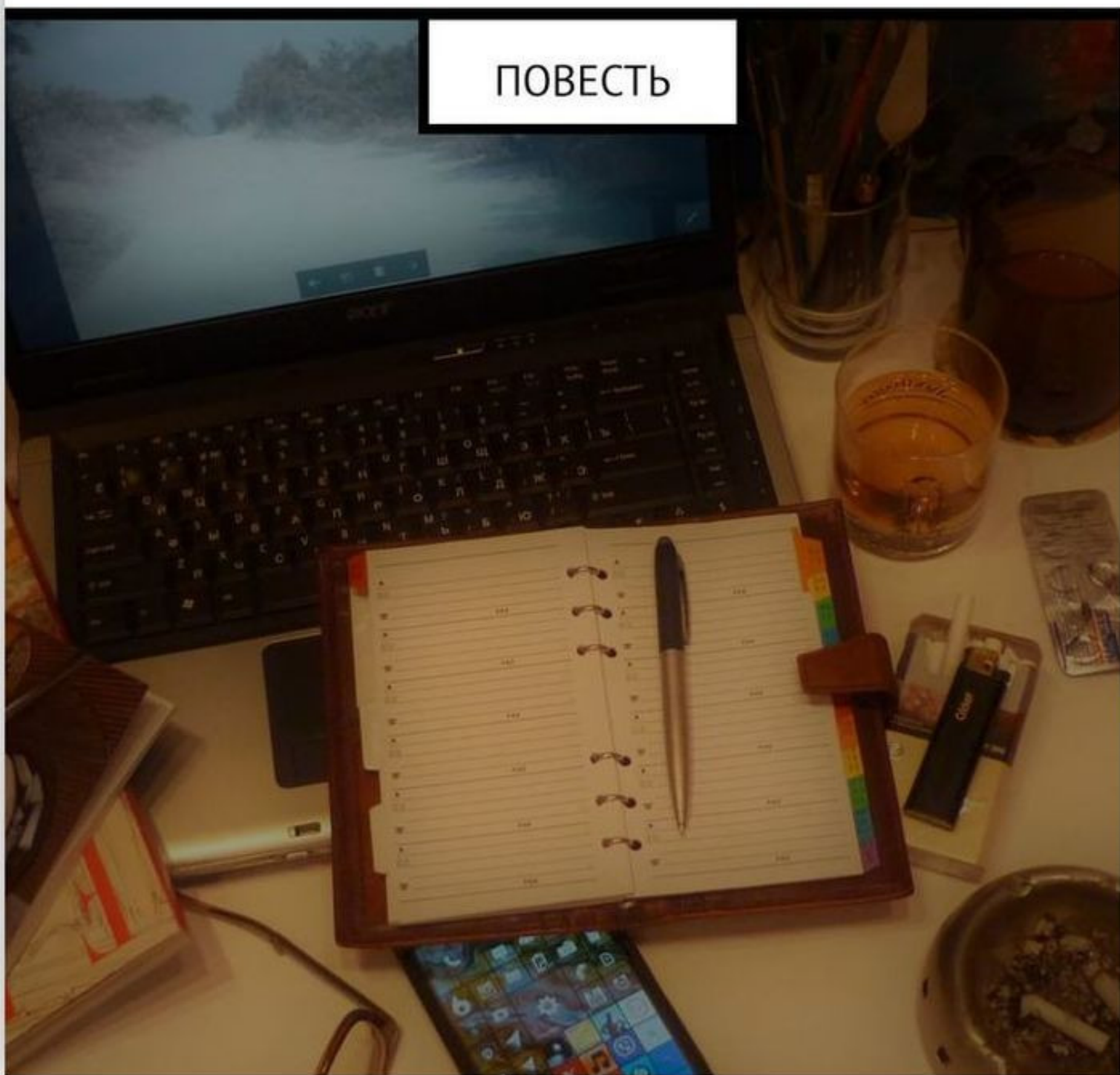

18+

ЛЕО КУТИЛИН

Нетленка

ПОВЕСТЬ

Лео Кутилин
Нетленка. Повесть

«Издательские решения»

Кутилин Л.

Нетленка. Повесть / Л. Кутилин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745203-2

Как-то попала в руки книга, теперь даже и не вспомню автора и название. Прочитал без восторга и задался вопросом, а смогу ли написать подобное. В результате появилась повесть о душевных исканиях героя. Попытках понять и проанализировать происходящее. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745203-2

© Кутилин Л.
© Издательские решения

Содержание

Нетленка	6
Предисловие	6
История Номер Раз. Знакомство	7
История Номер Два. Возня на кухне	9
История Номер Раз плюс Два...	10
История Четвертая. Командор открывает Америку	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нетленка Повесть

Лео Кутилин

Корректор Венера Ахунова

Редактор Сергей Ким

© Лео Кутилин, 2020

ISBN 978-5-4474-5203-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нетленка

Предисловие

Прежде всего автор хотел бы извиниться за этот текст перед теми, кто нашел в себе силы прочесть его до последнего абзаца и последней буквы. С высоты прожитого и опираясь на глубокое «понимание» происходящего, с уверенностью, присущей слесарю-сантехнику московского РЭУ, могу утверждать, что таких нашлось не очень много.

Также хотелось бы написать отдельное «**прости**» за использование в повествовании идиом, которые являются более чем осознанной необходимостью и данью моде, сложившейся в близких к графоманам кругах на рубеже XX и XXI столетий.

В форме и содержании не стоит искать потаенного смысла между строк, автор постарался поместить его на страницах в том месте, где ему и следует быть. Опять же, не стоит видеть в данном творении системного и классового подхода к освещенным темам, потому как взгляды самого автора могли меняться в процессе написания, не говоря уже о систематическом переосмыслении прошлого и пережитого после каждого голосования на выборах президента страны. Что делать, мы живем в эпоху всепоглощающего конформизма.

Далее хотел бы заметить, что образ главного героя является собирательным, и никаких аналогий и параллелей на месте читателя я бы не стал проводить. Некоторые события, описанные ниже, могут казаться документальными, произошедшими в действительности на сцене театра жизни. Но это лишь совпадение, которое подтверждает, что это неправда чистой воды. Итак, давайте договоримся, что все написанное является придуманным автором в его собственном сознании.

История Номер Раз. Знакомство

На большой двуспальной кровати лежало нечто похожее на человека. Присмотревшись лучше, автор заметил, что это «нечто» и есть наш Герой, который после вчерашнего вечернего застолья у себя на кухне в кругу известных и малоизвестных для него людей сейчас спал безмятежным сном младенца. Накануне отмечалась круглая дата битвы при Маренго, результат которой весомо повлиял на дальнейшее развитие мировой истории. Количество крепких напитков совершенно не лимитировалось и не подвергалось тщательному отбору. Гостям и хозяину стола выпала возможность вкусить водку Smirnoff, коньяки «Белый аист» и «Московский», немереное количество сухого вина и пива.

Его брови чуть-чуть вздрагивали, дыхание было ровным, видимо, сон не являлся фрейдистским кошмаром.

«Тем лучше, пора его будить, а самому исчезнуть с последующих листов сего творения», – подумал автор и огляделся. На прикроватной тумбочке стоял будильник. Стрелки показывали 6:55 утра. Переставив время на 7:00, автор положил часы под голову спящему, нажал кнопку ALARM и растворился в утренней мгле, чтобы появиться лишь тогда, когда нашему Герою без помощи автора будет не обойтись...

В открытое окно квартиры ворвался электропоезд, извергающий металлический скрежет, от которого я проснулся. Прислушавшись с закрытыми глазами, я начал понимать, что скрежет электропоезда – это вовсе не скрежет, а мерзкая трель моего будильника, стоящего на тумбочке у изголовья. Желание спать улетучилось, вместо него появилась неизбежная необходимость промочить горло, которое являло собой, если иметь немного фантазии, русло некогда высохшего ручейка, илистое дно, покрытое сеткой трещин, образовавшихся под беспощадными лучами солнца, и ничто живое на том дне не имело права на существование. Сон еще не прошел. Под кроватью я нащупал начатую бутылку пива, поднес к кратеру вулкана под именем «рот» и влил спасительную влагу.

«Теперь лучше, но спешить открывать глаза и делать резкие движения остерегусь, так как с пробуждением становится ясно, что голова представляет собой гигантский бубен шамана, на котором играет все племя аборигенов неизвестной мне земли. Попробую оценить свое состояние на ощупь». Для этого я провел рукой по своему телу, начиная от грудной клетки и заканчивая чуть ниже того места, где должны быть яйца.

«Пиздец! Где же мои яйца? Голова на месте, а яиц нет! Кто был в моей постели накануне? Что со мной делали? Может, меня пытали? – вопросы один ужаснее другого выстраивались друг за другом в длинную цепь. Страх охватил меня, рука нащупала рубашку, затем джинсы. – О, господи! Я же лежу в постели одетый, поэтому их и не нашел. Интересно, чем закончилась пьянка, если не было сил сбросить с себя одежду? Все же любопытства ради попробую открыть глаза, но делать надо это медленно, как сказал один из мыслителей конца XX века».

Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян.

В. Ерофеев

Сначала мозг дал команду правому веку подняться, темная пелена с глаза спала. «Так, хорошо, теперь так же не спеша надо открыть другой глаз», – процедура по окончательному возврату зрения прошла успешно. «Ну вот, теперь я зрячий», – и, включив на семафоре зеленый свет, проводил мысленно взглядом уходящий в мир грез ночной экспресс. Я по-прежнему лежал одетый в постели, со стены на меня укоризненно смотрели с репродукций княжна Лопухина Боровиковского и «Всадница» Брюллова. Не поворачивая головы, рукой на тум-

бочке нащупал очки, водрузил их на лицо и попытался приподняться. Некоторое время я сидел на кровати. Качало, было сильное желание занять прежнее горизонтальное положение, но отменяя пораженческие мысли, встал. Тошнило. «Во всем произошедшем есть один плюс – не надо искать одежду и ее надевать».

Шатаясь, я побрел по темному и, казалось, бесконечному коридору в гостиную, тяжелый воздух закрытого пространства висел в квартире. Открыл дверь балкона. Вдохнув полной грудью свежий воздух, сделал шаг на балкон. Солнце поздней весны уже ярко светило. В нагрудном кармане рубашки я нащупал сигареты и зажигалку. Закурил. По-прежнему шатало. Окинул взглядом улицу, мое внимание привлек субъект в синем комбинезоне, который подметал тротуар. Я погрузился в размышления: «Вот некий труженик дворов и улиц скребет асфальт. Наверное, это все же дворник», – подсказало мое сознание, не торопясь вползая в голову. Сигарета была выкурена, поэтому пришлось резюмировать: «Вот и подошли к глобальному пониманию свойства вещей. Зерна, брошенные на плодородную почву российской действительности лентяем Кантом, дают свои всходы!» Захотелось опять пить. Вернувшись обратно в комнату, качаясь пошел на кухню, на которой со вчерашнего вечера еще не был.

В этом месте повествования автор хотел бы напомнить о своем невидимом присутствии и описать следующий эпизод от своего лица, так как если это доверить нашему Герою, то, кроме междометий и восклицаний, читатель ничего бы не смог прочесть. А написать, поверьте мне, есть что.

История Номер Два. Возня на кухне

Он зашел на кухню, и – о чудо! – перед ним стояла она, стройная и непорочная, всем своим видом показывая, что они из разных, параллельных, миров. Она из светлого будущего, он из грязного прошлого, где все продается и все покупается, мира тотального чистогана, в котором безраздельно властвуют коррупция, инфляция и безработица, где нет человеку покоя и уверенности в завтрашнем дне. Несколько мгновений они стояли друг против друга, за это время на его усталом, отечном лице с калейдоскопической быстротой пронеслись чувства от глубокой растерянности и застенчивости до страстного желания обладать ею одной, единственной, сладостно желанной. В его сознании он скользил по водной глади мирового океана, и тропическое солнце нещадно палило его тело лучами. Он мчался по калмыцкой степи взбесившимся скакуном, и ветер, подобно музыке, пел в его груди. Он чувствовал себя гвоздем, звонко вонзающимся в половую доску под тяжелыми ударами молотка опытного плотника. И, наконец, он был ракетносителем на жидком топливе, пущенным с космодрома Байконур в бесконечное пространство Вселенной.

Некоторое время он еще колебался, стоит ли прикасаться к ней.

Негативные последствия этого поступка и разочарование могли сказаться очень скоро, но в конце концов похотливое, низменное, животное желание взяло верх. Он резко сорвал ненужные, на его взгляд, части туалета, которые еще хоть как-то своим присутствием указывали на тонкую грань между его страстью и ее безразличием. Она не сопротивлялась. Решительным движением, насколько это было возможно, обхватил рукой ее тонкую талию, слегка приподнял... и... прильнул... сухими губами... к горлышку только что открытой бутылки сухого вина. Гортань его вздымалась и опускалась в такт гигантским глоткам, внутри все хлопотало. После того как она была безжалостно использована и побежденная лежала на столе, как это и подобает, он уже не испытывал к ней того влечения, которое было ранее. Просветление в его разуме на некоторое время вспыхнуло, но вскоре погасло, так и не начав светить. Он присел, поставил локти на стол, обхватил свою тяжелую голову руками и затосковал. Тосковать ему приходилось часто, однако в этот раз кто-то постучал, и, встряхнувшись от оцепенения, он пошел открывать дверь.

История Номер Раз плюс Два...

На пороге стоял давнишний приятель Витя, с ним были еще две девицы с ярко выраженным вечерним макияжем, вид которых в этот утренний час не внушал особого трепета. Опустив, как ненужные, слова приветствия, Витек затолкал дам в коридор и продекламировал, почти пропел:

– Здесь оплатят вашу нежность, оприходуют пороки! – а затем выпалил скороговоркой: – Проходите, не стесняйтесь, будьте как дома. Что-то плохо выглядишь, старичок. На тебе лица совсем нет, мы тебе микстуру принесли, будем лечить.

И затем этот мудака мне подмигнул. «Опять пьянство и разврат», – подумал я и попытался вспомнить, какой сегодня день недели, чтобы понять, сколько времени мы пьем. Моя физиономия не выражала удивления и тем более радости, но этого и не требовалось гостям. Пока я переосмысливал происходящее, дамы на кухне мыли стаканы и ставили их на стол, а мой приятель, подобно Санта-Клаусу в рождественскую ночь, извлекал из пакета три бутылки водки «Гжелка», сухое «Арбатское» и две банки соленых огурцов. Смирившись с обстоятельствами, я тихо и скромно сел у края стола. Все были заняты своим делом. Внимание было отдано сервировке стола. Когда приготовление закончилось, Витек отвлекся, поднял глаза, посмотрел на меня и произнес:

– Дамы, разрешите представить моего коллегу Лешу.

– Витя, а почему «коллегу»? – удивился я. – Насколько помню, таковыми мы никогда с тобой не были.

– Эх, Алеша! Пить каждый день водку, проводить целые сутки напролет в разгуле и вертепе – не это ли тяжелый труд, на который мы себя сознательно и добровольно обрекли.

Прозвучало очень убедительно, возразить было трудно, пришлось согласиться.

– Лена, – представилась та, что сидела напротив и картинно, даже, можно сказать, стыдливо опустила глаза. Мило, очень мило. Мне это напомнило сцены знакомства из старых черно-белых советских фильмов, посвященных молодым строителям коммунизма. Не хватало только комсомольского значка или пионерского галстука.

– Катя, – сказала другая, которая вела себя увереннее первой.

Я набрал воздух и промямлил, что мне якобы очень приятно. Затянувшаяся пауза была прервана суетой, которая предшествует первому тосту. Витек всем налил, поднял свой стакан и опять почти прокричал:

– Ну что, друзья, доверимся друг другу, сольемся в едином порыве и выпьем во славу Бахуса!

Надо же, вчера я слышал то же самое, и говорили это те же уста. Кризис жанра. Чокнулись, выпили. Первый стакан на меня подействовал удручающе, организм не хотел принимать его содержимое, водка остановилась в районе пищевода и никак не хотела проходить в желудок, грозя выплеснуться тем же путем, которым в меня вошла. Лена сочувственно поднесла на вилке соленый огурец, который помог подавить сопротивление организма. Тепло вошло в каждую клетку моего тела, дрожь в руках постепенно стала проходить.

– Леша, почему вы такой грустный? – участливо спросила недавняя моя спасительница с огурцом, заглядывая мне в глаза. Этот вопрос прозвучал с такой интонацией, что если бы я ответил: «Грустен, потому что вчера меня переехал трамвай и доктор ампутировал ногу, при этом, издеваясь, говорил: «Ну что, Маресьев, теперь летать не будешь, распиздяй!» – то, вне всяких сомнений, Лена, и минуты не размышляя, пожертвовала бы свою часть тела, лишь бы не видеть на моем лице горе и муки страданий.

– Я не грустный, просто пока еще трезвый – затем мысленно продолжил, – «и при двух собственных ногах».

Витек уже был само спокойствие и доброта. Его глаза увлажнились, а на впалых щеках появился румянец: похоже, он уже до меня где-то накатил. Он опять налил и воскликнул:

– Теперь, братья и сестры, я бы хотел сомкнуть наши бокалы и выпить за любовь друг к другу и всему человечеству!

Данный тост, кроме меня, не вызывал ни у кого возражений, и мы опять выпили. Содержимое второго стакана упало в желудок совсем без отягощающих последствий.

Кураж все не шел. За стеной у соседа со свойственной только ему лозунгово-плакатной лирикой из динамика надрывался Ю. Шевчук.

В открытое окно было видно, как плывут по небу похожие на взбитые сливки облака. Было невесело, хотя Витя старался. Девицы переглянулись и, виновато посмотрев на нас, удалились искать совмещенный санузел.

– Ты чего тормозишь, я тут бисер мечу, а ты, видите ли, не в настроении и девственника из себя строишь! – наехал на меня «коллега» Витя.

– Витек! Где ты нашел этих блядей?

– Они не бляди, я с Катькой в Лужниках торгую, а Ленка ее подруга детства, отрочества и юности.

– Забыл добавить «подруга зрелых лет».

В моем голосе «коллега» уловил иронию и от этого сник. Вообще, Витек относится к плеяде тех младших научных сотрудников, которых вымыла из стен московских проектных институтов волна перестройки, подняла на высоты, о которых и мечтать не приходилось, закружила и бросила вниз на дамбы дикого первобытного рынка. Но в душе он оставался наивным и доверчивым романтиком. Мне его стало жалко, и, как бы извиняясь, я добавил:

– Ну ладно, ты меня успокоил. Давай наливай, – и тут же вспомнил утренние размышления на тему свойств вещей и предметов.

Девиц все еще не было. На полу лежала газета «Московский комсомолец» с очередной передовицей Саши Хинштейна.

«Такая мерзкая фамилия не может принадлежать достойному уважения человеку, обладатель данной фамилии должен иметь депрессивно-маниакальный синдром поиска на всех и вся компромата, и от таких людей надо стараться держаться подальше, другое дело, если это псевдоним», – эта крамольная мысль попыталась влезть в мое пробуждающееся сознание. Газету я поднял и стал разгадывать кроссворд. Это занятие быстро надоело, и газету пришлось отложить. Мы еще выпили. Девиц все не было.

– Предположу, – прервал безмолвие Витек, – дамы обсуждают тактические вопросы, а именно кто кому из нас больше подходит по темпераменту или, другими словами, кто кого будет сегодня иметь.

– Я был бы очень признателен, если бы они еще поинтересовались нашим мнением. Может, я сегодня хочу себя чувствовать одиноким и грустным импотентом.

– Думаю, для них это не имеет большого значения, месяц тому назад Екатерина рвала меня, как обезьяна газету, прямо под прилавком на мешках китайского ширпотреба в самый разгар потребительского спроса. Не могу утверждать, что было плохо, но чувствовал после этого себя сильно разбитым.

– Витя, я тебя очень уважаю, ты открыл новую грань своего бытия, не скажу, что восхищаюсь твоим действием, скорее, наоборот, бездействием, но этим ты подтвердил нетленные строки Некрасова:

*Коня на ходу остановит,
В горящую избу войдет.*

– ...выпьем за них.

За кухонным столом нас опять сидело четверо. Мы добивали третью бутылку «Гжелки» и доедали соленые огурцы. Екатерина была на коленях Витька, а другая девушка, имя которой я не помнил, сидела рядом со мной. Воздух на кухне был сине-серого цвета, и запах представлял собой смесь дамского парфюма, табачного дыма и алкогольных паров. Витя с ограниченным артистизмом, дарованным ему природой, рассказывал анекдот про несчастного пчеловода.

– А что, – сказал я, когда анекдот был закончен, от пьянящего воздуха и пьяного окружения меня уже несло, – не выпить ли нам за героев, чей самоотверженный подвиг потребления горячительных напитков являл собой пример всему остальному миру? Эти люди – локомотив технического прогресса и мировых открытий, люди, которые сеют доброе и вечное. За великих гуманистов, коими они бы никогда не стали, будь они трезвенниками. Давайте углубимся в историю человеческого развития и посмотрим, что было лет 500 назад, не меньше.

Я сделал паузу, чтобы оценить обстановку, стоит ли дальше продолжать исторический экскурс, маханул стакан и жестом предложил сделать остальным то же самое. Мой завернутый монолог был настолько неожиданным, что все с удивлением, похожим на исступление, сверлили меня в шесть глаз. Если бы в тот момент к нам на кухню залетела стая рыжих бегемотов, то это явление прошло бы незамеченным. Организм почувствовал дополнительный прилив сил, и я продолжил.

История Четвертая. Командор открывает Америку

– Что было 500 лет тому назад, спрошу я вас.

Витек и девицы переглянулись, будто были очевидцами и добросовестно пытаюсь вспомнить, что же было 500 лет назад на самом деле.

– Европа пылала огнем междоусобных распрей, которые вели злые, – потому что в Средневековье еще не опохмелялись, – и трезвые полководцы. Бывало, накануне вечером соберутся под полевым шатром, выпьют как следует, облобызают друг друга, поклянутся в любви и верности, подпишут хартию мира, а наутро, проснувшись с больной, опухшей головой, отдадут приказ войскам палить из пушек по своим вчерашним собутыльникам. Католики бились с протестантами, революционеры – с контрреволюционерами, роялисты – с республиканцами, консерваторы – с лейбористами, евреи – с арабами. И так это продолжалось из года в год. И лишь на юге Европы, в королевстве Испания, было все спокойно. Почему? Да потому, что после того, как последнего мавра лишили на Пиренейском полуострове постоянного места жительства и окончательно победили исламский фундаментализм, король и королева, а с ними и все остальные подданные королевства, запили горькую. Об этом случайно узнал от испанских купцов генуэзский авантюрист и картежник Колумб. Дом свой он пропил еще в прошлом году, и так как, кроме долгов, в Италии его ничего не держало, он отправился в Мадрид. В то время границ, как нынче, не было, и наш Христофор уже через неделю пил кальвадос на улицах столицы, кадрил местных красавиц, танцевал тарантеллу и смотрел корриду. Каждый новый день дарил Христе незабываемые впечатления, он считал, что если и есть рай на свете, то непременно он находится здесь. Однажды Христофор, будучи совершенно в стельку, гулял по дворцовой площади, глаза были навывкате, и он не заметил, как наткнулся на толстого лысого иезуита, который спяну сжигал очередного еретика.

– Позвольте спросить, ваше преподобие, за что вы пытаетесь запечь этого несчастного?

– Как мне сообщили, он пятый день капли в рот не берет, – ответил суровый инквизитор.

– Сей грешник не может рассчитывать на снисхождение, но, может, на то есть веские причины. С сильного перепою я тоже дня два на выпивку смотреть не могу.

Этот довод не возымел на инквизитора должного действия, Христя не унимался.

– А пробовали вы ему предложить выпить? – продолжал Колумб. – Может, он бы и выпил, но ему никто не предлагает.

– Не предлагае-е-ет, – эхом вторил защитнику сжигаемый.

Инквизитор задумался, достал огнетушитель и загасил пламя.

– Будешь пить? – этот страшный вопрос прозвучал из уст инквизитора в адрес человека, возомнившего себя трезвенником.

– Буду! – не тратя времени на раздумья, ответил тот.

– Тогда я тебя сейчас отвязываю от столба, и мы втроем идем в ближайшую корчму.

Соображаешь?

– Не хочу обидеть вас отказом, ваше преподобие, – радостно молвил спасенный.

С тех пор и вошла в народные массы такая близкая каждому нормальному человеку фраза, как «сообразить на троих». Ну, разве, хочу я спросить вас, не является высшей пробы проявленный Колумбом гуманизм, и сам же отвечаю: поступить так мог только настоящий алкоголик.

Далее за выпивкой Христя узнал, что толстый лысый собеседник – не кто иной, как наводящий ужас на всю непьющую часть населения страны преподобный падре Торквемада, который очень близко знаком с королем Испании Фердинандом и его супругой Изабеллой. При следующей пьянке он обещал познакомить Колумба с королем и королевой и посвятить его в некоторые тайны мадридского двора. Торквемада оказался веселым, добрым и милым

человеком, на следующее утро он встречал Христю у ворот королевского дворца. Проведя Колумба сквозь огромные, роскошные своим убранством залы, где придворная знать с утра до вечера безудержно предавалась пьянству и разврату, инквизитор представил генуэзского пьяницу Фердинанду и Изабелле. Христофор, ничуть не стусевавшись, рассказал пару-тройку анекдотов на грани приличия, достал из кармана четвертинку и разлил содержимое в четыре кубка. Все разом, не поморщившись, выпили. Так завязалась долгая дружба Христи с королем и королевой Испании. В 1492 году от Рождества Христова по Европе прокатились природные катаклизмы, была сильная засуха и сибирская стужа, запасы крепких напитков в Испании сильно истощились. В стране начались бунты и восстания горем убитых граждан. Под массивной задницей короля Фердинанда задрожал трон. Корона была в опасности. Верхи не могли, а низы не хотели потреблять предложенный денатурат. Возникла революционная ситуация. В этот тяжелый для страны час и состоялась историческая встреча, в которой принимали участие Фердинанд, Изабелла, преподобный Торквемада и Колумб. Было решено сначала выпить, а затем думать, как выходить из создавшегося положения. Хватанув лишнего, Торквемада предложил окрестить Христю Командором, снарядить три каравеллы и отправить экспедицию к берегам Индии для углубленного изучения зарубежных инновационных технологий, а заодно и пополнения запасов страны алкогольными напитками. Колумб заплакал, затем закричал, долго бился в истерике, умолял не отправлять его на чужбину, он говорил, что у него морская болезнь, клаустрофобия и сенная лихорадка с плоскостопием, но остальная часть совета была непреклонна. Конечно, Фердинанду и Изабелле трудно было расставаться с полюбившимся им Христей, но дела короны и благополучие страны были выше личных чувств. Колумбу ничего не оставалось, как подчиниться воле монарха.

Христофора провожала с надеждой вся Испания, в соборах велась служба, в каждом доме от ремесленника до идадьго звучали молитвы. Страна затихла в тоскующем ожидании.

Как только доски корабельной палубы ощутили тяжелую поступь Командора, на каравеллах началась грандиозная пьянка. Пили две недели, каждый день боцман докладывал Колумбу, как проходит поход и сколько за день команда выпила. В судовом журнале того периода можно было прочитать такого содержания записи, сделанные дрожащей рукой Христи: «Седьмой день похода, выпито три бочки андалузского кальвадоса, ветер наполняет паруса, но в силу непонятных мне причин мы ни на милю не отошли от родных берегов. Что за херня?» Была дана команда разобраться, в чем дело, найти и устранить течь, если она имелась и замедляла ход судна. Обходя корабль, Командор споткнулся о привязанные к пирсу канаты, и страшная догадка осенила его голову. Тогда он грозно приказал: «Отдать швартовы и отправиться в путь!» «Если Индия находится на Востоке, мы смело пойдем на Запад», – так решил опытный мореплаватель.

На 17-е сутки путешествия старший помощник капитана с леденящим душу ужасом обнаружил, что карту и лоции забыли на берегу, и каким они идут курсом, одному Богу известно, отчего команда запила с еще большим остервенением. Командор вообще не выходил из своей каюты, как потом выяснилось, проход был завален пустыми бутылками, и все руководство Христофор осуществлял через иллюминатор. По ночам, всматриваясь в бесконечную даль звездного неба сквозь маленькое окошко своей каюты, Командор прокладывал курс. Этому искусству его научил много лет назад в портовой таверне Марко Поло, который имел богатый опыт ходить по пьяни в Китай и обратно. Навигационные приборы были проданы еврею-меняле еще в порту и благополучно пропиты во время подготовки экспедиции. Все происходящее вокруг говорило о трагическом исходе путешествия. Запасы еды закончились на четвертой неделе похода, запасы питьевой воды – на пятой, но команда еще держалась, потому как никто не хотел умирать, пока оставался ром. На 42-е сутки боцман выжал в стакан из бутылки последние капли спиртного, люди пришли в отчаяние, началась депрессия и болезни. Моровая язва и цинга косили команду каждый день, трупы заворачивали в нацио-

нальные цвета флага Испании и выбрасывали за борт. Море кишело кровожадными акулами, которые, подобно стервятникам, кружащим над добычей, ждали своего гастрономического часа. Люди были измучены страданиями, если кто-то и пытался передвигаться по палубе, то напоминал собой призрак или тень. Командор лежал на полу в своей каюте, его тошнило, он готовился принять смерть, проклиная мудака Фердинанда, потаскуху Изабеллу и гондона Торквемаду. Сначала ему показалось, но, сделав над собой усилие, он отчетливо услышал, как срывающимся от крика голосом «вперед смотрящий» с безумством сумасшедшего орал: «Земля! Слышите, уроды, земля!»

На кораблях началось всеобщее ликование, люди плакали и смеялись, как дети. Командор воспаленными от запоя глазами пытался рассмотреть через иллюминатор смутные очертания берега.

Наконец экипаж ощутил под ногами земную твердь материка, казалось, страданиям пришел конец. Осмотревшись, Колумб отдал приказ найти местного раджу, разжиться у него хоть каким-нибудь спиртным, а затем разбить на берегу лагерь.

Когда солнце скрылось за горизонтом и на лагерь опустилась непроглядная ночь, Христю охватили сомнения: «Является ли эта земля Индией? Как я помню из рассказов пьяницы Васко да Гамы, в Индии великое множество диких слонов и бенгальских тигров, которые никогда не упускают возможности напасть на людей, а за прошедшие сутки ни один матрос не был сожран хищником. Странно!»

Наутро к Командору приползли трое мертвецки пьяных членов команды, за собой они волокли такого же пьяного аборигена. Бессвязные слова отважных разведчиков только усилили сомнения Колумба насчет Индии. Пьяный туземец все время что-то бубнил. «Наверное, ругается, шельма», – подумал Христя и позвал переводчика, знавшего великое множество языков. Из диалога трезвого и пьяного выяснилось, что говорят они на разных языках и понимать друг друга не хотят и не могут. Тогда созрело решение отправиться в те места, откуда был притащен этот «индус». Впереди, шатаясь, шли разведчики и пели балладу о бесстрашном тореадоре, за ними шел задумчивый Командор, и замыкали отряд двое матросов, которые на носилках тащили псевдоиндуса.

Через час пути пионеры джунглей оказались в деревне. Она никоим образом не походила на индийские города, увиденные один раз в жизни Христей на рождественских открытках. Вокруг сновали совершенно голые дикари. Они обступили группу первооткрывателей и с любопытством, переходящим в преклонение, рассматривали прибывших. Так продолжалось минут 30, наконец Командор не выдержал и с интонацией конкистадора-агрессора спросил: «Где здесь у вас продается выпивка?» Толпа туземцев зашумела и расступилась. Вперед вышел, по всем признакам, их предводитель. Его лицо было обезображено красками, на голове торчали перья, и огромная татуировка на теле выделяла его из общей толпы.

– Чужестранцы! – сказал вождь на ломаном испанском языке. – Мы рады вас приветствовать на земле Латинской Америки!

– Какая, блять, Латинская Америка?! Кто вы такие? И откуда ты знаешь испанский? – Командор был раздражен, голова у него трещала, как высоковольтная линия электропередач.

– От верблюда! – добродушно отвечал вождь. – Та земля, где вы находитесь, в данный момент называется Америкой, мать вашу, и здесь еще не ступала ни одна нога или протез белого человека, мы же относимся к великому народу ацтеков, не путать с варварскими племенами инков и майя. А знаю я вашу речь, потому что в молодости, когда еще у меня не было цирроза печени, вплавь добирался до ваших берегов на спор с приятелем.

Колумб недоуменно посмотрел на ноги вождя, ожидая увидеть вместо них ласты, но лап он не увидел. Христя был растерян, с минуту он думал, а потом уже с недоверием произнес: «Ну, хорошо, пусть вы ацтеки, а земля эта Америка, у меня нет оснований вам не доверять, но, может, у вас есть что-нибудь выпить? Моя команда на грани алкогольного истощения». Тогда

предводитель ацтеков жестом предложил путешественникам подойти к столам, ломившимся от всякой снеди и выпивки. Командор плотоядно облизнулся и сглотнул слюну. Гости и местная знать наполнили глиняные стаканы.

– За великого первооткрывателя Америки! – коротко резюмировал вождь и выпил. Выпивка оказалась очень добротной, туземцы ее называли уважительно «текилой». Опрокинув стакан и закусив маисовой лепешкой, Христя почувствовал, что покидавшие его тело силы к нему возвращаются. На окружающих он впервые за день посмотрел по-доброму.

За время, проведенное на берегах Америки, европейцы очень многое переняли из жизни туземцев. Люди Колумба научились закусывать текилу лаймом с солью, стали курить марихуану, научились пользоваться таким сложным прибором, как теодолит.

Когда трюмы трех кораблей были до отказа набиты бочками с текилой, некоторые члены экипажа отказались возвращаться на Родину. За это время многие обзавелись домашней скотиной и прикипели душой к этим местам. Однако Командор был беспощаден к матросам, проявившим малодушие и слабость. Было дано распоряжение снять их с алкогольного довольствия, и они вскоре, не выдержав мук и страданий, умерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.